

КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ В ЭКОНОМИКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

Галина Николаевна РОМАНОВА,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: galnikrom@yandex.ru

Статья посвящена миграционным процессам — важной проблеме в экономических отношениях России и Китая: показана численность китайских рабочих в различных отраслях экономики российского Дальнего Востока в сопоставлении с занятостью русских рабочих. Большое внимание уделяется решению проблемы национальной безопасности России различными структурами.

Ключевые слова: мигранты, китайские рабочие, экономика, частные предприятия, железная дорога, национальная безопасность.

CHINESE WORKERS IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FAR EAST
AND THE PROBLEM OF NATIONAL SECURITY AT THE BOUNDARY
OF THE 19th — 20th cc.

G. N. Romanova, Candidate of Historical Sciences, a senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

Article is devoted to the important problem in economic relations of Russia and China — to migratory processes. There are shown the quantity of Chinese workers in various branches of economy of the Russian Far East in comparison with Russian workers. Much attention is paid to solving the problem of national security by various state structures.

Key words: migrants, Chinese workers, economy, private enterprise, railway, national security.

Расширение экономических связей России и Китая на межгосударственном и региональном уровнях, активизация процессов интеграции и глобализации, формирование рыночных механизмов, а также необходимость выработки государственной миграционной политики чрезвычайно актуализировали исследование китайской миграции, определили параметры вовлечения китайцев в различные сферы дальневосточной экономики. При этом значительный интерес представляет исследование вышеобозначенной проблематики не только относительно современного этапа, но и в плане постижения исторического опыта, в частности

периода (конец XIX — начало XX в.), когда китайская миграция на российский Дальний Восток особенно активизировалась.

Китайская иммиграция, являясь частью общемировой миграции, как и в других странах, возникла в процессе генезиса капитализма и разложения натурального хозяйства, в ходе которого массы разорившихся крестьян и ремесленников выбрасывались на рынок труда, и многие из них в поисках работы стали выезжать за границу. В конце XIX — начале XX в. аренной массовых китайских миграций становится и российский Дальний Восток, который благодаря своему пограничному положению и принятому 26 марта 1861 г. закону, стимулировавшему иностранную колонизацию, довольно рано оказался в сфере активного воздействия миграционных волн из зарубежья — Китая, Кореи, Японии, а также государств Европы и Америки [2, с. 23]. Основную массу китайских иммигрантов составляли чернорабочие, в иностранной литературе их часто называли термином «кули». В 70-х гг. XIX в. первая партия таких рабочих в количестве 150 чел. прибыла из провинций Шаньдун и Чжили в Приморскую область для строительства военных казарм в Хабаровске.

Приток китайских мигрантов к концу века стал быстро расти: если в 1880-е гг., согласно данным губернаторских отчётов, в Приамурье проникало от 3 до 5 тыс. китайских отходников, то в связи с массовым привлечением китайцев на строительство Уссурийской железной дороги, а также на прииски в конце 1890-х гг. их приток в Приамурье возрос до 50—60 тыс. чел. [1, с. 19; 2, с. 23—24].

Первая Всеобщая перепись населения, проведённая в Российской империи зимой 1897 г., зарегистрировала в Приморской области 20,28 тыс. китайцев (14,5%), в Амурской — 12,54 тыс. (10,4%), на Сахалине — 0,14 тыс. (0,5%) [5, с. 107—108]. В связи с многочисленностью китайских подданных, пребывавших в крае, в 1897 г. во Владивостоке было учреждено Китайское коммерческое агентство для осуществления консульских обязанностей; в 1907 г. оно стало Генеральным консульством, подчинённым непосредственно китайскому посланнику в Санкт-Петербурге [6, с. 229, 247, 254; АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 809. Л. 22, 45, 87; Ф. 327. Оп. 579. Д. 36. Л. 44].

После русско-японской войны 1904—1905 гг. отходничество из Китая на Дальний Восток России достигло максимума: в 1907—1910 гг. на летний период прибывало свыше 75 тыс. чел., большая часть из них осенью возвращалась на родину. Посезонная разница в численности отходников была очень велика: от 30—40 тыс. зимой до 105—110 тыс. чел. летом [2, с. 24]. Согласно данным уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве, в 1910 г. в регионе насчитывалось уже 111,5 тыс. китайцев; с учётом прибывших и уехавших за 1906—1910 гг. их было около 150 тыс. [3, с. 349—451]. В общем населении края доля китайцев составляла 10—12%, такой же она была и в основных областях их проживания: в Приморской — 12,5%, Амурской — 10,4% [7, с. 66; 8, с. 19, 21—22; 9, с. 84].

Китайцы-отходники играли заметную роль в процессе хозяйственного освоения Дальнего Востока России. Подавляющее большинство из них

составляли мужчины трудоспособного возраста, они занимались неквалифицированным физическим трудом на строительных работах, добыче угля и золота, в парусном каботаже, на лесоразработках и т.д. Интенсивный приток китайцев на прииски в амурскую тайгу начался с 1887 г. после ликвидации в 1886 г. Желтугинской республики, находившейся на р. Лаогоу в Северо-Восточном Китае. К середине 1890-х гг. богатые россыпи основных золотодобывающих районов — Зейского, Верхнеамурского и Хингано-Сутарского — были выработаны, что повлекло за собой акционирование приисков и передачу их в аренду китайским старателям-золотничникам. В 1900 г. из 204 приисков китайцы разрабатывали 140 и добыли 240 пудов при общем объёме добычи в 493 пуда [10. с. 85, 87; 11. с. 183—187].

В Приморской области на казённых работах в 1906—1910 гг. в среднем ежегодно трудилось 18,4 тыс. русских рабочих (19,3%) и 77,0 тыс. иностранных (80,7%), в подавляющем большинстве китайцев [3, с. 372—373; 8, с. 23]. На золотых приисках в 1910 г. доля китайских рабочих составляла 82,3% против 17,0% русских и 0,7% корейских [8, с. 24; 12, с. 73]. Больше всего китайских рабочих нанимали казённые ведомства — военное строительное управление (19,7 тыс. чел.), Уссурийская железная дорога (2,3 тыс. чел.), на частных предприятиях наибольшее их количество работало в горнорудной и лесной промышленности; китайцы составляли 80% рабочих казённых ведомств, занятых на строительных работах, однако основная их масса трудилась в золотодобывающей промышленности [13, с. 45—46]. Многие зажиточные крестьяне и казаки использовали китайских мигрантов на полевых работах и в хозяйстве; в семьи русских чиновников, коммерсантов и интеллигенции их нанимали в качестве прислуги — на неё был большой спрос ввиду дешевизны труда, аккуратности и умелого ведения домашних дел (уборка, стирка, приготовление пищи и др.).

С декабря 1906 г. Уссурийская железная дорога была передана во временную эксплуатацию Обществу КВЖД, которое как частное учреждение не могло воспользоваться установленной для казённых предприятий льготой на бесплатный провоз русских рабочих; при распространении льгот замена намечалась на 1912 г., а в 1911 г. на Уссурийской железной дороге работало свыше 3 тыс. чел. из Китая [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 770. Л. 8—9].

Китайские отходники жили по своим правилам, практически не подчиняясь местной администрации. Стихийно возникавшие на приисках китайские слободы управлялись так называемыми «китайскими подрядчиками», которые осуществляли запись вновь прибывших в старательные артели за определённую плату [14, с. 81]. Работая на строительстве, лесозаготовках, кирпичных заводах, отходники находились под двойным гнётом: с одной стороны — русских промышленников, с другой — надсмотрщиков, которые действовали от имени китайских хозяев. Средняя продолжительность рабочего дня для китайцев составляла по краю: на казённых предприятиях — 11,5 часа, на частных — 12 часов;

заработная плата, как правило, была ниже, чем у русских. В Приморской области средняя заработная плата русского рабочего в месяц составляла 58 руб. 27 коп., китайского — 38 руб. 8 коп.; в Амурской соответственно — 68 руб. 45 коп. и 50 руб. 17 коп. [13, с. 47, 50—51; 4, с. 123—124]. Численное превосходство китайских рабочих ставило экономическое развитие края в прямую зависимость от их притока в регион. Они довольствовались меньшей оплатой и самыми примитивными бытовыми условиями.

Здесь была и теневая сторона. Согласно данным комиссии горного департамента, изучавшей использование китайского труда в сфере золотодобычи, имелись негативные последствия хищнической эксплуатации россыпей с помощью китайских золотничников: вытеснение с приисков русских рабочих, вынужденных уходить в тайгу на нелегальное старательство; утайка и скупка золота китайцами [7, с. 66—67; 8, с. 29—31]. К концу XIX в. ежегодно 20—30% добытого в Приморской области золота нелегально сбывалось через скупщиков в Китай [15, с. 193; 16, с. 484]. Тайный сбыт забайкальского и амурского золота в 1893—1894 гг. составлял до 500 пуд. в год по цене 5 руб. 20 коп. за золотник. Согласно материалам особой комиссии при Горном департаменте китайские рабочие ежегодно утаивали золота на сумму не менее 2 млн. руб., упоминается цифра и 3 млн. руб. [14, с. 81; 17, с. 51]. По данным уполномоченного Министерства торговли и промышленности А.Н. Митинского, после русско-японской войны 75—125 пуд. золота увозилось в Китай только из российского Приамурья [18, с. 263].

Увеличивавшаяся миграция китайских рабочих в золотодобывающие районы носила сезонный («челночный») характер. Большинство «жёлтых» отходников проводили на приисках лишь тёплое время года, когда производилась добыча и промывка золотоносных песков, с наступлением холодов они возвращались на родину. Соотношение между русскими рабочими и мигрантами (китайцы и корейцы) составляло в среднем 15% и 85% соответственно [12, с. 75—80; 14, с. 80]. Дешевизна и доступность «жёлтой» рабочей силы ограничивали заинтересованность предпринимателей в переселении на Дальний Восток и найме более дорогих по оплате русских рабочих, создавали конкуренцию на рынке труда и даже безработицу среди русских.

Теневая сторона деятельности китайцев, неподчинение российским законам, нелегальное пребывание на российской территории, опасность сильной зависимости экономического развития Дальнего Востока России от притока в край мигрантов, в основном китайцев, вынуждали русское правительство и местную администрацию принимать некоторые законы, направленные на ограничение деятельности иностранцев и их оседания в регионе: они были лишены права селиться в приграничных местностях (1886), приобретать земли в Амурской и Приморской областях (1892) [7, с. 68; 19, с. 53; 4, с. 111—113].

Дальневосточная администрация до конца XIX в. относилась к мигрантам сравнительно либерально и была готова не только допускать, но даже привлекать их в край, стремясь одновременно удерживать под своим

контролем, оказывая им содействие через посланника в Пекине и консулов. Приамурские генерал-губернаторы С.М. Духовской (1893—1898) и Н.И. Продеков (1898—1902) видели в китайской миграции и отрицательные, и положительные стороны. Так, С.М. Духовской в отчёте за 1893—1895 гг. писал о значительном наплыве в российские пределы китайских рабочих и торговцев, но опасения, что они постепенно завоюют край, считал преувеличенными и указывал на необходимость присутствия их в крае как источника рабочих рук в условиях, когда ощущались недостаток и дороговизна русской рабочей силы и необходимость китайской торговли, устранение которой в городах привело бы к увеличению цен на товары. Вместе с тем он полагал, что в крае должно естественно преобладать русское население, а прилив иностранцев необходимо подчинить строгому контролю. Н.И. Продеков во Всеподданнейшем отчёте за 1898—1902 гг. указывал, что ввиду преобладания в крае русского населения, китайская миграция, «...не представляя опасности в отношении политическом», является нежелательной по причинам экономическим из-за невозможности русского рабочего конкурировать с китайским. Последующие же генерал-губернаторы П.Ф. Унтербергер и Н.Л. Гондати считали китайских и корейских мигрантов большим злом для края и выступали за самые жёсткие ограничения их притока в регион [20, с. 105—114; 9, с. 88—89; 21, с. 244; 22, с. 65—66].

В 1902 г. была попытка установить процентную норму — не менее 50% русских на предприятиях, по 25% китайцев и 20% корейцев, затем выработана «пятилетка» вытеснения китайцев введением процентной нормы в золотопромышленности: 1-й год — 80% китайцев, 2-й — 60% и к концу 5-го года 100% русских рабочих. Но все эти попытки проваливались, так как предприниматели, не желавшие отказываться от китайского труда, всегда могли найти предлог, чтобы уволить русских рабочих и работать только с китайцами [ГАХК. Ф.П.-44. Оп. 1. Д. 593. Л. 15].

Когда численность китайцев в Приморье и Приамурье достигла более ста тысяч, российское правительство было вынуждено заняться «жёлтой» проблемой. По закону от 21 июня 1910 г. запрещался наём иностранцев на казённые работы в Приамурье, а с 1 января 1911 г. — в Забайкалье. Вместе с тем п. IV данного закона давал право Совету министров допускать иностранцев на срочные работы в случае нехватки русских рабочих. По существу, это давало возможность обходить закон. Центральные и местные губернские власти считали, что необходимо ограничить и поставить под контроль деятельность иностранцев на Дальнем Востоке, сократить поток мигрантов, особенно нелегальных, лишить китайских предпринимателей преимущества перед русскими. Однако принимаемые меры были половинчатыми и не давали должного эффекта. Всякое лимитирование труда китайцев и корейцев тут же оборачивалось ущербом для промышленности и русского населения [7, с. 68; 19, с. 53; 4, с. 111]. Этот закон предусматривал защиту военно-политических интересов России на Дальнем Востоке (чтобы выплачиваемая рабочим заработная плата не уходила в Китай) [23, с. 122—123; 24, с. 40].

Принятый закон не всегда выполнялся, но сфера применения труда китайских рабочих была значительно ограничена, а масштабы миграции снизились. В первый год строгого соблюдения закона и применения к перевозке русских рабочих бесплатного тарифа удалось вытеснить с рабочего рынка окраины значительную часть китайцев и заменить их русскими.

Проведённое в 1911 г. обследование рабочего рынка зарегистрировало в Приморской и Амурской областях свыше 105 тыс. рабочих, в том числе русских 57,6% и 42,4% «жёлтых», причём на казённых предприятиях число «жёлтых» составляло 26,5%, а на частных превышало 75%. Что касается отношения самих китайцев к принимаемым в России против них мерам, то непосредственно заинтересованная масса мало верила в возможность проведения их на практике. Наиболее дальновидные из них говорили, что все ограничения ненадолго, без китайцев в Приамурье не обойтись, и скоро сами русские их будут звать [АВПРИ. Л. 64—66].

В целях ограничения доступа китайцев в Приамурье с 1911 г. было введено обязательное визирование китайских национальных паспортов у русских консулов в Китае. Н.Л. Гондатти отдал распоряжение, чтобы все китайцы на приисках, не имевшие визированных паспортов, были выселены обратно в Китай. Это вызвало значительные протесты со стороны золотопромышленников, и возникла угроза дипломатического конфликта. Н.Л. Гондатти был вынужден несколько умерить свои действия, и высылка была приостановлена [ГАХК. Д. 593. Л. 15—16].

«Жёлтый вопрос» не был приоритетным ни во внутренней, ни во внешней политике России. Однако им систематически занимались многие министерства и Совет министров, император, Государственная дума, когда решались проблемы хозяйственного освоения Дальнего Востока, начиная со строительства Амурской железной дороги. В документах III Государственной думы 1907—1912 гг. не раз подчёркивалось, что «...вопрос о жёлтой иммиграции в наши дальневосточные области... под влиянием изменившихся после последней войны политических и экономических условий получает особо важное значение» [цит. по: 19, с. 48].

Комитет по заселению Дальнего Востока поддерживал деятельность администрации. Министерство внутренних дел выступало с собственными пакетами ограничительных мер (в том числе впускать только трудоспособных иммигрантов). МИД возражал, заботясь о том, чтобы новые меры не входили в противоречие с положениями российско-китайских договоров и не вызывали раздражённой реакции со стороны Китая, а также других стран, поскольку некоторые проекты законов относились ко всем иностранцам в целом. «Наплыв не опасен политически», — такова была позиция МИДа. Военное ведомство, производившее большие строительные работы, доказывало, что без «жёлтого труда» не обойтись, дальневосточные предприниматели утверждали то же самое. Испытывая мощное давление с разных сторон, правительство и Дума проявляли взвешенный подход и зачастую отправляли поступавшие предложения на доработку, однако принципиальный курс правительства выражался формулой: «...русский Дальний Восток — для русских» [19, с. 49—51; 7, с. 68].

Мысль об угрозе дальневосточным владениям России со стороны «жёлтых» соседей появилась на страницах русской печати ещё в середине 70-х гг. XIX в. и постоянно повторялась вплоть до 1914 г., так и не получив какого-либо однозначного решения. В понятие «жёлтая опасность» входило на первых порах хунхузничество, хищнический промысел китайцев в уссурийской тайге, неспособность властей управлять «жёлтым элементом», который жил по своим законам, держал в кабале аборигенные народы и не поддавался русификации [23, с. 119—120; 24, с. 38]. Китайцы образовывали совершенно непроницаемое сообщество, подчинявшееся китайским чиновникам. Это убедительно на конкретных фактах и документах доказал известный учёный и путешественник В.К. Арсеньев. Фактическая экстерриториальность многочисленной, этнически, расово и культурно чужеродной общности подданных соседней империи справедливо расценивалась им как угроза целостности и национальной безопасности России [25, с. 72].

По мнению председателя Владивостокского Биржевого комитета А. Масленникова, в «защиту «жёлтого труда» выступали учреждения, казённые и частные лица, непосредственно заинтересованные в результатах труда и несущие тот или иной риск. Против же «жёлтого труда» были группы и лица, побуждаемые лучшими намерениями, но проводившие благие мысли и идеи на основании теоретических соображений, далёкие от местной жизни, или администрация, которая должна была следовать за внутренней политикой, т.е. лица, непосредственно не связанные с работой, рисками и результатами труда.

Коренной ошибкой являлось предположение об использовании китайцев ради дешевизны, из-за которой русские будто бы не могли с ними конкурировать. Причины использования «жёлтого» рабочего, несомненно, находились гораздо глубже, не в заработной плате, а в отсутствии контингента русских рабочих [АВПРИ. Оп. 487. Д. 770. Л. 153—161]. Как подчёркивалось на совещании под председательством генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, состоявшемся 30 июня 1914 г. в Хабаровске, кажущаяся дешевизна китайского рабочего на самом деле была призрачной и являлась одним из тормозов заселения края русскими. На замедленное развитие экономики региона наряду с другими факторами влияло и то, что с применением «жёлтого труда» за пределы края уходила значительная доля свободных денег — 30—35 млн. руб. ежегодно [9, с. 88—89; Приамурские ведомости. Хабаровск, 1914. 8—10 июля].

Решение проблемы использования «жёлтого труда» в экономике Дальнего Востока России имело национально-политическое и общественно-нравственное значение, основанное на различии рас. Опасность виделась в том, что Китай мог поставлять на рынок труда неограниченное количество рабочей силы по демпинговым ценам, что делало конкуренцию со стороны местных российских рабочих практически невозможной. Китайская рабочая сила отличалась не только дешевизной, но и дисциплиной, умением быстро осваивать новые профессии и сферы деятельности. С другой стороны, китайцы не ассимилировались, были

замкнутым сообществом, что при большом их количестве и организованности не могло не беспокоить принимающее общество.

Повышенное внимание к проблеме «жёлтого труда» определялось несколькими факторами. С одной стороны, рабочая сила была жизненно необходима для освоения слабо заселённого российского Дальнего Востока. Без её использования не могло быть и речи о создании экономической и военной инфраструктуры господства России в регионе, интеграции его в качестве неотъемлемой части империи. С другой стороны, привлечение неограниченного количества сверхдешёвого «жёлтого труда» препятствовало заселению региона русскими, вело к его окитаиванию, а в перспективе — к поглощению Китаем. Крайняя дешевизна китайской рабочей силы консервировала техническую отсталость производства, особенно добывающей и обрабатывающей промышленности. У предпринимателей не было заинтересованности внедрять новые технологии [25, с. 74—75]. Дальневосточный предприниматель, общественный деятель и публицист С.Д. Меркулов признавал, что нельзя сразу отказаться от услуг китайцев, их трудом в значительной мере обеспечивается нормальное существование, а значит, и приток русских переселенцев. Неосвоенный же в экономическом, военном, политическом отношении и слабо заселённый край неизбежно будет потерян для России [9, с. 89].

Как считал В.В. Граве, применение «жёлтого труда» несёт с собой массу проблем и опасностей, тем не менее, оно неизбежно. Следовательно, необходимо регулировать и направлять процесс его использования, создавать и совершенствовать для этого законодательную базу и соответствующие государственные институты, готовить квалифицированные кадры, усиливать заселение Дальнего Востока, улучшать инфраструктуру, привлекать российские и иностранные капиталы, установить фактическую охрану границ [3, с. 233—234].

Несмотря на политику вытеснения китайцев с золотых приисков, последовательно проводимую Н.Л. Гондатти, из-за сопротивления золотопромышленников ему удалось лишь немного снизить процент работающих китайцев. Однако с началом Первой мировой войны русское правительство уступило требованиям золотопромышленников и новых ограничений не вводило, а с 1916 г. даже появились льготные правила, предусматривавшие допуск китайцев на золотые прииски [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 593. Л. 33].

В Особом журнале Совета министров от 15 января 1916 г. отмечалось, что мировая война, отвлекшая значительное число рабочих в войска, поставила многие имеющие государственное значение отрасли промышленности (горнопромышленные, металлургические, железоделательные предприятия) в крайне тяжёлое положение. Принятые правительством в первую очередь для пополнения кадров рабочих меры — привлечение к работам военнопленных и беженцев — оказались недостаточными. Оставался только один выход — обращение к труду иноземных рабочих, в частности китайцев и корейцев. В связи с этим был разрешён допуск «жёлтых» рабочих в эти отрасли. Вместе с тем совещание остановилось

на выработке мер, которые могли бы облегчить и упорядочить взаимоотношения спроса и предложения на «жёлтый» труд путём вмешательства соответствующих правительственных структур. Принятию мер по ограничению потока китайцев и корейцев способствовали условия движения по Сибирской магистрали для их перевозки (не более 25 вагонов в 2 дня; при вместимости вагона 40 чел. могло быть перевезено за месяц не более 15 тыс. чел.). Ближайший надзор за наймом «жёлтых», справочную и посредническую деятельность предлагалось возложить на состоявшие в распоряжении Приамурского генерал-губернатора Справочные бюро по рабочему вопросу в городах Владивостоке и Хабаровске, открыть их агентства на станции Маньчжурия, в случае надобности и в других пунктах [АВПРИ. Оп. 487. Д. 1059. Л. 90—92, 96—99].

Таким образом, китайская миграция на российском Дальнем Востоке — это сложный многоплановый процесс, который нельзя охарактеризовать однозначно. Китайские рабочие широко использовались в тех сферах экономики, где не требовалась высокая квалификация, прежде всего в добывающей промышленности, на новостройках, ремонтных работах, на железнодорожном транспорте и т.д. В целом это способствовало хозяйственному освоению края, созданию инфраструктуры, однако ставило регион в прямую экономическую зависимость от внешнего фактора — китайской иммиграции. Значительный наплыв китайских рабочих, менявшийся под влиянием геополитической обстановки, создавал серьёзную конкуренцию для российских рабочих. Расхищение природных ресурсов китайскими промысловиками, контрабанда причиняли существенный урон бюджету России, подрывая отечественное производство, сдерживая заселение российского Дальнего Востока.

Китайские рабочие жили в соответствии со своими традициями и по своим законам, что необходимо было учитывать при обеспечении национальной безопасности страны. Несмотря на отсутствие единой государственной политики по регулированию внешней миграции, различные структуры стремились сохранять баланс российских и восточных рабочих, в частности китайских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX—XX в. Владивосток: Дальнаука, 2000. 222 с.
2. Галлямова Л.И. Значение миграций как фактора заселения и освоения Дальнего Востока России (вторая половина XIX—начало XX в.) // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX—начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 17—31.
3. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. Вып. 11. 479 с.
4. Чжан Цзунхай. Юаньдун дищой шицзичжи цзяодэ чжун-э гуаньси=Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке за вековой период. Харбин, 2000. 278 с.

5. Галлямова Л. И. Китайское предпринимательство в Приморье на рубеже XIX—XX вв. (по данным анкетирования 1904 г.) // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток, 1999. С. 107—109.
6. Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. 302 с.
7. Ларин А. Жёлтый вопрос // Родина. М., 1995. № 1. С. 66—71.
8. Ларин А. Китайцы в России вчера и сегодня: ист. очерк. М., 2003. 223 с.
9. Романова Г. Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 83—110.
10. Тимофеев О. А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX в.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 307 с.
11. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 377 с.
12. Хролёнок С. Ф. Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока (конец XIX — начало XX в.) // Восток. М., 1995. № 6. С. 70—81.
13. Соловьёв Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М.: Наука, 1989. 127 с.
14. Алепко А. Китайцы в Амурской тайге: Отходничество в золотопромышленности Приамурья в конце XIX — начале XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 1. С. 79—86.
15. Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856—1898 гг. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1900. 324 с.
16. Петров А. И. История китайцев в России. 1856—1917 годы. Санкт-Петербург: ООО «Береста», 2003. 960 с.
17. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2003. 192 с.
18. Митинский А. М. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1911. 284 с.
19. Ларин А. Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
20. Волохова А. Китайская и корейская иммиграция на российском Дальнем Востоке в начале XX в. // Проблемы Дальнего Востока. М., 1996. № 6. С. 105—114.
21. Алепко А. В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001. 368 с.
22. Позняк Т. З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
23. Ларин В. Л. Китай и Дальний Восток России. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.
24. Ларин В. Л. Синдром «жёлтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и конце XX в. // Известия РГИА ДВ: сб. науч. тр. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 34—53.
25. Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «жёлтой опасности» в дореволюционной России // Вестн. Евразии. М., 2000. № 1 (8). С. 63—89.
26. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этногр. Хабаровск, 1914. 204 с.
27. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 148 (Тихоокеанский стол). Оп. 487. Д. 770, 809, 1059; Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). 1907. Оп. 579. Д. 36.
28. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П-2. Оп. 11. Д. 200; Ф. П-44. Оп. 1. Д. 44, 592, 593.